

В. АСТАФЬЕВ

ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

В. АСТАФЬЕВ

ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

*Молотовское книжное издательство
г. Молотов — 1956 г.*

Это озеро почти невозможно отыскать на карте. Небольшое оно. Небольшое, зато памятное для Васютки. Ещё бы! Мала ли честь для тринадцатилетнего мальчишки — озеро, названное его именем! Пускай озеро и невелико, не то, что, скажем, Байкал, но Васютка сам отыскал его. Нашёл и людям показал. Да, да, не удивляйтесь и не думайте, что все озёра уже известны и что у каждого есть своё название. Много ещё, очень много в нашей стране безымянных озёр и речек, потому что велика наша Родина, и сколько по ней ни ходи, всё будешь отыскивать что-нибудь новое, интересное. Нужно только искать, искать и искать...

* * *

Сильными порывами дул южный ветер. На Енисее этот ветер называется «верховкой», потому что приходит он из далекой Хакасской степи или с горных хребтов Тувинской республики. Часто гуляет «верховка» весной и летом в Заполярье, принося с собой тепло, пробуждая занемевшую от стужи природу. К осени она реже и реже долетает сюда.

Начинают желтеть и осыпаться листья на деревьях, никнет к земле поблекшая трава; вода в Енисее становится прозрачно-серо-ватой. Как радостно бывает, когда в эту предосеннюю пору прилетит в Заполярье «верховка»! Ветер разгонит сгрудившиеся

в небе тучи, пахнёт пряными запахами южных цветов и трав, утихомирят забеспокоившиеся табуны перелётных птиц. Доверчиво поглядывая на вновь появившееся солнце, они продолжают мирно жировать, набираться силы для далёкого и трудного перелёта.

Рыбаки из бригады Григория Афанасьевича Шадрина—Васюткиного отца—приуныли. Из тёмных туч беспрестанно моросил дождь. На озёрах уныло голосили гагары. Не хотелось даже выходить на улицу, не то что выплывать на реку. Всё меньше и меньше слышалось шуток, смеха, без которых сибиряки вообще не любят жить. Правда, дело тут было не столько в неудаче, которая неотступно преследовала эту бригаду всё нынешнее лето. Никто в рыболовецком колхозе «Полярник» в прошлые путины не сдавал рыбы так много, как бригада Шадрина, а нынче ей «нету фарту», как говорит Васюткин дедушка Афанасий.

Всё ниже по Енисею спускается бригада Васюткиного отца в поисках рыбы, но уловы попрежнему малы, вот и упало настроение у рыбаков.

Налетела «верховка» и словно разгладила обветренные лица людей. Одна за другой скользят вниз по реке лодки с упруго надутыми парусами, зарываясь носами в частые, суетливые волны. На передних лодках слышатся смех и песни. Отражения редко разбросанных по небу облаков не отстают от лодок, гонятся за ними.

Васютка лежит на мягком неводе, брошенном на дно лодки, и смотрит в небо; дедушка сидит за рулём на корме и наговаривает:

— Она, рыбка, как говорится, плавает по дну, но мы её сыщем и достанем оттудова. Потому как колхоз наш ловит рыбу для рабочего человека, для города. В колхозе есть план, без плану ноне ни на шаг. Он все порядки жизни намечает. А если рыбы не наловить—

не похлебать рабочему человеку ухи. Сила у него уж не та будет. Значит и тут план нарушается... Слышь, Васютка, чего я говорю?

— Слы-ы-шу, — лениво отзывается Васютка и недоверчиво косится на деда Афанасия. Его до глубины души удивляет непостоянство дедушкиных суждений. Ещё вчера, когда моросил дождь, дедушка сидел чинил сети и всячески поносил эти самые планы. Бубнил о том, что, мол, раньше жили, как бог прикажет, и рыба тучами ходила. А нынче установили планы. Ворчал, что катера, моторки да пароходы распугали рыбу и что, мол, наступят такие времена, когда ерши да пескари и те все переведутся, а об омуле, стерляди и осетре только в книжках придётся читать...

Разубеждать дедушку было делом бесполезным. Поэтому никто с ним не связывался. Он же всё ждал, чтобы кто-нибудь ему перечил, и к вечеру уже предсказывал, что не только рыба, а звери, даже птицы малые издохнут от дыму и копоти, после чего начнётся светопреставление. Сегодня же дедушка сделал резкий поворот в своих рассуждениях, и Васютка подзадоривает его:

— А как же, дедушка, насчет светопреставления, о котором толковал. Скоро оно будет?

Дедушку на слове поймать трудно.

— Светопреставление-то? — Дедушка Афанасий чешет за ухом и хитро прищуривается: — По моим приметам случиться оно может после осенней путины. Будет собрание отчётное, приедет начальство. Если мы рыбки, сколь потребно, не добудем, надаёт оно председателю колхоза по шапке, и Гришке нашему и всем бригадирам, и многие из них могут очень даже просто из бригадиров слететь! А председатель с кормы обратно за вёсла сядет... Вот тебе и светопреставление!

— Хватит вам болтать-то, — сердито прерывает Васюткина мать, Анна Ильинична, сухошавая женщина с обветренным лицом и сильными руками. — Ладно, Григорий не в нашей лодке плывёт, не слышит этих разговоров. А то бы показал вам, как чесать языки попусту. Сошлись старый да малый.

Дедушка делает вид, что очень занят управлением лодкой и ничего не слышит. Через минуту он принимается снова бормотать, а Васютка закрывает глаза. Лодку покачивает на волнах, и кажется ему, будто он в люльке...

Васютка проснулся от толчка — лодка ткнулась в берег. Отец, в высоких резиновых сапогах с отвернутыми голенищами, ходил по берегу и отдавал распоряжения. Скуластое лицо его было озабочено, тёмные брови плотно сошлись на переносье.

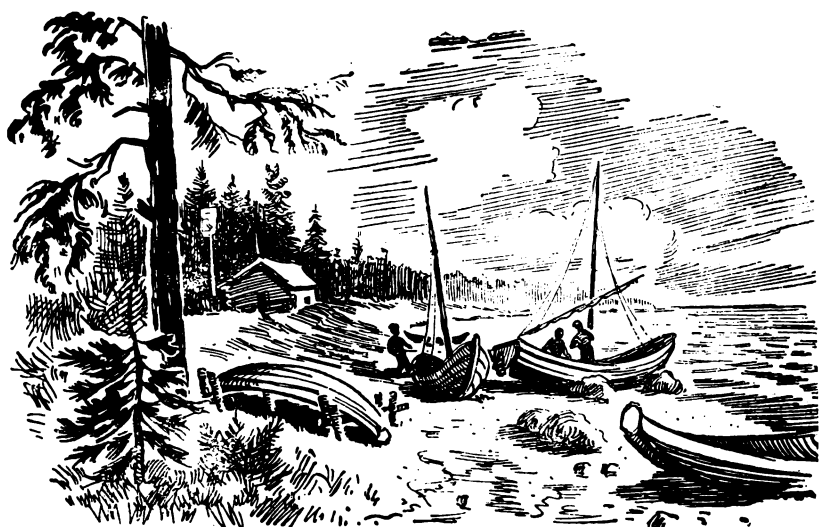
Васютка всегда немного робел перед своим большим, неразговорчивым отцом, хотя тот был с ним ласков, как ни с кем другим, и никогда его не обижал. Впрочем, Васютка давно приметил, что рыбаки, и даже дедушка Афанасий, никогда отцу не перечат, слушаются и уважают его, хотя, в общем-то, народ они разный и своенравный.

Когда лодки были вытащены на берег, а багаж унесён в избушку, построенную несколько лет назад экспедицией, изучавшей Заполярье, отец сказал:

— Шабаш, товарищи! Больше кочевать не будем. Так, без толку, можно и до Карского моря дойти. Станем ждать рыбу здесь. Место хорошее. Изба добрая есть, можно пока рыбачить паромами и перемётами, а неводы готовить к большому ходу рыбы...

* * *

Дни тянулись однообразно. Закидывали рыбаки перемёты, ставили вдали от берега спаренные сети — паромы. Раз в сутки они просматривали эти ловушки,

а всё остальное время занимались другими делами: чинили неводы, конопатили лодки, изготовляли якорницы.

Рыба в ловушки попадала ценная: осётр, стерлядь, таймень. Очень часто налим, или как его в шутку называют в Сибири — поселенец. Только это спокойный лов. В нём нет азарта и веселья, нет той лихости и сноровки, которые бьют ключом во время большого хода рыбы, когда полукилометровым неводом за одну тоню * вытаскивают её по несколько центнеров.

Что и говорить, скучное для Васютки житьё. Утешало его одно: скоро начнётся новый учебный год, и мать с отцом отправят его в деревню. Дядя Коляда — старшина рыбосборочного бота — из города привёз Васютке новые учебники для шестого класса. Днём,

* Тоня — одна закидка невода.

скупая, Васютка смотрел в них картинки, кое-что читал.

По вечерам в избушке становилосьлюдно и шумно. Рыбаки ужинали, курили, рассказывали всякие были и небылицы, щёлкали кедровые орехи. К утру обычно на полу был целый слой ореховой скорлупы толщиной в палец. Пройдет кто-нибудь в сапогах — шелуха трещит, как осенний ледок на лужах.

Орехи рыбакам поставлял Васютка. Ближние кедры он уже опустошил, и ходить приходилось всё дальше и дальше. Вырос Васютка в тайге, у реки. Лес его не страшил. Он потихоньку таскал у рыбаков махорку, ходил один себе по лесу, напевал, покуривал, иногда бабахал из ружья. Если патрон зря истратит, и дедушка узнавал об этом—Васютке здорово доставалось, а отец глядел так, что спине делалось холодно. Не любили отец и дедушка, когда попусту припас тратился.

Сегодня Васютка проснулся поздно. В избушке была одна мать. Дедушка Афанасий ушёл куда-то. Васютка поел, полистал учебники, оборвал листок календаря, с радостью подумал, что до первого сентября 1939 года осталось всего десять дней, и засобирался за шишками. Мать недовольно сказала:

— К ученью надо готовиться, а ты по лесу бродишь.

— Чего ты, мамка, ворчишь? Орехи кто-то должен добывать? Должен! Охота ведь рыбакам пощёлкать вечером.

— Охота, охота. Надо орехов, так пусть сами ходят. Привыкли парнишкой помыкать да сорить в избе.

Но мать ворчит так, по привычке, потому что ей не на кого больше ворчать. Когда Васютка с ружьём на плече, подпоясанный патронташем, похожий на коренастого маленького мужичка, вышел из избы, мать привычным строгим тоном наказала:

— Ты от затесей далеко не отходи — сгинешь. Хлеба взял ли с собой?

— Да зачем он мне? Каждый раз обратно приношу.

— Не разговаривай. На вот краюшку. Не задавит она тебя. Да и спички захвати. С испокон веков так заведено, мал еще таёжные законы переиначивать.

Ты уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идёшь в лес — бери еду, бери спички.

Васютка покорно сунул краюшку хлеба в мешок и поспешил исчезнуть с глаз матери, а то ещё придётся к чему-нибудь.

Весело насвистывая, Васютка шёл по тайге; следил глазами за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая лесная дорога начинается с затесей. Пройдет человек, сделает топором пометки на одном дереве, отойдёт немного, ещё зарубки сделает, потом ещё. Всё дальше и дальше в лес станут проникать эти первые человеческие приметы. Пользуясь ими, пройдут другие люди, проедут на лошади или на оленях, и чуть заметная тропа превратится в дорогу.

Склонность к самостоятельным рассуждениям, как у всякого таёжника, рано появилась у Васютки. Он ещё долго рассуждал бы о дороге и о всяких увлекательных таёжных секретах, если бы не скрипучее кряканье где-то над головой, которое вывело его из задумчивости.

— Кра-кра-кра!.. — неслось сверху, будто на дереве ржавой пилой водили по крепкому суку.

Васютка поднял голову — и на самой вершине старой, взлохмаченной ели увидел кедровку. Птица держала в когтях шишку, принесённую с кедра, и орала во всё горло. С соседних деревьев ей откликались горластые подруги.

Васютка не любил этих нахальных птиц, уничтожающих несметное количество кедровых шишек. Он снял с плеча ружьё, но вспомнил про дедушку, про его наказ — попусту не палить, потерябил себя за ухо и стрелять раздумал.

— Кря-кря! — с досадой передразнил он кедровку и запустил в неё палкой.

Кедровка перестала кричать и с любопытством следила, как не долетевшая до неё палка падала вниз. Когда та шлёпнулась в мох, кедровка презрительно глянула на Васютку нахальным круглым глазом, потом неторопливо общипалась, задрала голову, и по лесу снова понеслось её надоедливое «кря».

— Тьфу, ведьма проклятая! — выругался Васютка и пошёл дальше. Ноги Васютки мягко ступали по седому мху: на нём там и сям валялись шишки, обработанные кедровками. Они напоминали комочки сотов. В некоторых отверстиях шишек, как пчёлки, торчали оставшиеся орехи. Эти орехи бесполезно вытаскивать и пробовать. Удивительно чуткий клюв у кедровки: пустые орехи птица даже не вытаскивает из гнёздышек.

Много попадалось таких шишек, из которых было взято всего по два-три ореха. Это значит кедровку или спугнули, или она полетела на зов своих подруг. Васютка поднял одну из таких шишек, осмотрел её со всех сторон и покачал головой:

— Эх, и дрянь же ты, птица-кедровка!

Бранился Васютка так, «для солидности» и ещё оттого, что чувствовал себя свободно и независимо. Вообще-то он знал, что птица кедровка приносит больше пользы, чем вреда. Она является главным разносчиком семян кедра, а значит, и его распространителем.

Мальчик ещё долго бормотал и разводил руками, толкуя сам с собой. Наконец он облюбывал кедр и

полез на него. Снизу казалось, что шишек на дереве мало. Но Васютка наметанным глазом сразу определил — там, в густой хвое, упрятались целые выводки смолистых шишек.

Предположения Васютки оправдались. Он принялся ударять по ветвям ногой, и мягкие лапы кедра, всё лето державшие под солнцем увесистые шишки, начали покорно ронять их. Шишки вперегонки сыпались вниз, а ветви, освободившись от тяжкого груза, благодарно кланялись Васютке.

Минут через десять он уже молотил ногами по ветвям соседнего кедра.

Потом собрал шишки в мешок и, не торопясь, но всё-таки с оглядкой, закурил. Попыхивая цыгаркой, оглядел окружающий лес и заметил ещё один кедр, густо увешанный шишками.

— Обобью и этот, — решил он. — Тяжеловато будет, пожалуй, да ничего, донесу. Пусть рыбаки щёлкают орехи, сколько душе угодно.

Он тщательно заплевал цыгарку, придавил её каблуком и пошел к примеченному кедру.

Вдруг впереди Васютки что-то сильно захлопало. Он от неожиданности вздрогнул и тут же увидел поднимающуюся с земли большую птицу. «Глухарь!» — догадался Васютка. Сердце его замерло.

Глухарь перелетел через мшистую поляну, вильнул между деревьями и сел на сухостоину. Подкрасться незаметно было невозможно. С высокого голого дерева птица отлично видела всё вокруг. Васютка стрелял уток, куликов, куропаток, но глухаря подстрелить ему ещё не доводилось. А сколько слышался он рассказов знакомых охотников об этой редкой и осторожной птице.

Мальчик всё ещё стоял на том месте, с которого поднял глухаря, и не спускал глаз с огромного тём-

ного пятна, видневшегося на сухом дереве. Тут Васютка вспомнил, что глухаря часто берут с собакой.

Охотники рассказывали, что глухарь, сидя на дереве, с любопытством смотрит на заливающуюся внизу собаку, а порой и поддразнивает её. Тем временем охотник незаметно подходит с тыла и стреляет.

Васютка же, как назло, не позвал с собой Дружка. Эх, если бы он был здесь! Шёпотом обругав себя, мальчик на секунду задумался, потом припал на четвереньки, затаившись, подражая собаке, и стал осторожно продвигаться вперёд. Голос у него от волнения прерывался. Лаял он неважно, но продолжал настойчиво подкрадываться к глухарю. А тот замер на дереве и с любопытством наблюдал эту интересную картину.

Недаром говорят, что охота — пуще неволи. На какие только неудобства, лишения, жертвы не идёт охотник ради того, чтобы подстрелить птицу, и даже не такую, какая была перед Васюткой.

Мальчик расцарапал себе лицо, порвал телогрейку, но ничего этого не замечал. Перед ним наяву — глухарь! Мечта молодого охотника.

...Пора! — Васютка быстро стал на одно колено и попытался смаху посадить на мушку забеспокоившуюся птицу. Какой-то только охотникам присущей властью он унял дрожь в руках. Мушка перестала плясать, кончик её задел глухаря... Тр-рах! И чёрная птица, хлопая крыльями, повалилась вниз. Но не коснувшись земли, она вдруг выправилась, полетела вглубь леса. Мальчик растерянно смотрел ей вслед. Пролетев немного, птица будто наткнулась на препятствие, и грузно упала в мох. «Ранил», — восторженно воскликнул Васютка и бросился к подбитому глухарю. Только теперь он догадался, в чём дело, и начал беспощадно корить себя за оплошность:

— Не перезарядил ружьё! Эх, растяпа! Мелкой дробью грохнул. А мелкой-то разве сразу убьешь такого? Вон какой он, чуть не с Дружка.

Птица уходила небольшими перелётами. Они становились всё короче и короче. Вот глухарь уже не смог поднять своего грузного тела и побежал по мху.

«Теперь всё—догоню!»—уверенно решил Васютка и припустил сильнее. Для облегчения он хотел было сбросить мешок с шишками, но раздумал: побоялся потерять его. Вот он уже недалеко от птицы. Быстро скинув с плеча мешок, поднял ружьё и выстрелил. В несколько прыжков Васютка очутился около хлопающего крыльями глухаря и упал на него животом.

— Стоп, голубчик! Стоп! — радостно бормотал Васютка. — Не уйдёшь теперь. Ишь, какой прыткий! Я, брат, тоже бегаю будь здоров!

Когда волнение улеглось, он вволю налюбовался красивой птицей, черные перья которой отливали

зеленоватым блеском. Жаль было, что нельзя, на зависть ребятам, пройти по деревне с глухарём. Но он был уверен — рыбаки встретят его с удивлением, будут расспрашивать, хвалить, как настоящего охотника.

Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывал, пел, что на ум приходило.

Вдруг он спохватился:

— Где же затеси? Пора уж им быть.

Он осмотрелся кругом. Деревья ничем не отличались от тех, на которых были сделаны затеси. Лес стоял неподвижно, тихий, в своей унылой задумчивости, такой же редкий, полуголый, сплошь хвойный. Только кое-где виднелись хилые берёзки с редкими жёлтыми листьями. Да, лес был такой же. И все-таки от него веяло чем-то чужим, пугающим...

Васютка круто повернул назад. Шёл он быстро, внимательно присматривался к каждому дереву, но знакомых зарубок не было видно. На лбу Васютки выступила испарина.

— Ф-фу ты, чёрт! Где же затеси?

Сердце у него сжалось, по спине пополз холодок.

— Всё это глухарина бородатый! Понёсся, как леший, теперь вот думай, куда идти, — заговорил Васютка вслух, чтобы отогнать подступивший страх. — Ничего, сейчас посоображаю и найду дорогу. Та-ак. Где север? Где юг? Почти голая сторона у ели, значит, в ту сторону север, а где ветвей больше — юг. Та-ак. Порядок! Главное — сориентироваться, а остальное — пустяк. Теперь надо вспомнить, на какой стороне старые затеси, сделанные ещё экспедицией, и на какой новые, которые делали мы с папой: на северной или на южной, или...

Вот этого-то Васютка и не заметил. Затеси и затеси. Ходят по ним, ходят. Остальное его мало интересовало.

— Эх, дубина,— тоскливо обругал себя Васютка.

Страх опять пополз под телогрейку. Мальчик снова заговорил вслух:

— Ладно, и без затесей найду избушку. Надо идти в одну сторону. На юг надо идти, потому что у избушки Енисей делает крутой поворот, и мимо никак не пройдешь. Ну вот, всё в порядке, а ты, чудак, боялся! — Васютка хохотнул безо всякой охоты к смеху и бодро скомандовал себе: — Ша-гом арш! Эть, два!..

Бодрости хватило ненадолго. Васютку начали грызть сомнения:

— Юг-то, юг, — рассуждал он про себя, — а иду я, вроде, неправильно.

Внезапно он встал, как вкопанный, и шлепнул себя по лбу:

— О, змей пустоголовый, куда тебя несёт! Ведь кедр, который стоит под окном избушки, голый с той стороны, где Енисей, значит, там север. Новые зарубки на деревьях сделаны с северной стороны, а старые — с южной. Как это я забыл? Сам же лазил на этот кедр, ещё штаны порвал. Побегу, а то мамка наподдаёт по загривку...

Теперь груза прибавилось, и Васютка, разговаривая сам с собой, отсыпал из мешка половину шишек, с довольной улыбкой погладил глухаря, ещё раз взвесил его на руке:

— Килограммов пять будет, а то и полпуда! — решил он и, круто повернув, зашагал в противоположную сторону.

Затесей всё не было и не было. Порой мальчику казалось, что он ясно видит желанную пометку на тёмном стволе. С замирающим сердцем бежал он к дереву, чтобы пощупать рукой спасительную зарубку с капельками выступившей наружу смолы, но вместо неё обнаруживал шершавую складку коры.

Ещё несколько раз менял Васютка направление, высыпал из мешка все шишки, шагал, шагал...

В лесу сделалось тише и сумрачней. Васютка остановился и долго стоял, прислушиваясь. Сердце его стучало часто и сильно. И вдруг Васютка понял, что заблудился. Открытие это было настолько простым и потрясающим, что он не сразу смог прийти в себя.

Васютка много раз слышал от взрослых страшные рассказы о том, как блуждают люди по лесу, иногда погибают, не найдя дороги, но представлял он всё это совсем не так. Уж очень просто всё получилось. Васютка ещё не знал, что страшное в жизни часто начинается очень просто. Оцепенение, напавшее на него, длилось до тех пор, пока он не услышал какой-то таинственный шорох в глубине потемневшего леса. Он дико вскрикнул и бросился бежать, уже не разбирая дороги. Сколько раз он спотыкался, падал, вставал и снова бежал — Васютка не знал. Наконец, он заскочил в бурелом и начал с треском пробираться сквозь сухие, колючие ветви. Потом упал с валёжины вниз лицом в мох и замер. Отчаяние напало на него, и сразу не стало силы. «Будь что будет», — почти равнодушно подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с нею — и холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда, приподнялся и сел.

«Тайга, кормилица наша, хлибких не любит». — Так всегда говорили отец и дедушка.

Вспомнив эти слова отца и дедушки, он немного пришёл в себя, и сразу память подсказала ему всё, чему они учили, что узнал он из рассказов рыбаков и охотников. В первую очередь необходимо развести огонь. Ладно, что спички захватил из дома. Пригодились спички!

Васютка обломал нижние сухие ветки у дерева,

ощупью нашёл пучок сухого мха, сорвал его, затем искрошил мелко сучки, сложил всё в кучу и поджёг. Робкие язычки пламени, слегка покачиваясь, неуверенно поползли по сучкам. Мох вспыхнул. Вокруг посветлело. Васютка подбросил ещё веток. Между деревьев зашарахались колдовские тени. Темнота отступила дальше. Однотонно гудя, на огонь налетело несколько комаров. Стало веселее. Надо было запастись на ночь дровами. Васютка, не щадя рук, наломал сучьев, приволок сухую валёжину, выворотил старый пенёк. Теперь следовало поесть и отдохнуть, чтобы утром хорошо соображала голова. Вытащив из мешка краюшку хлеба, мальчик вздохнул и с тоской подумал: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже нестерпимо захотелось плакать, но он переборол себя и начал перочинным ножиком потрошить глухаря. Потом Васютка сгрёб костёр в сторону, на горячем месте выкопал ямку, положил туда птицу, плотно закрыл мхом, присыпал горячей землёй, золой, углями, сверху положил тлеющие головни и подбросил дров.

Примерно через час он раскопал глухаря. От птицы шёл пар и вкусный запах. Глухарь упрел в собственном соку. У охотников это считается лакомым блюдом.

Васютка взял краюшку хлеба. Её легко можно было съесть сразу, но он отрезал только тоненький ломтик и тщательно подобрал крошки. Как ни мучил Васютку голод, он всё-таки с трудом глотал мясо без соли.

— Эх, дурило, дурило. Сколько этой соли в бочках на берегу стоит, мимо каждый день проходил. Что стоило горстку в карман сыпануть? — укорял он себя.

Потом вспомнил, что мешок, который он взял для шишек, был из-под соли и торопливо вывернул его. В уголках мешка он насобиравал щепотку грязных

кристалликов, раздавил их на прикладе ружья и через силу улыбнулся:

— Живём!

Поев, Васютка сложил остатки хлеба и птицы в мешок, повесил его на сук, чтобы мыши или кто-нибудь ещё не добрался до скудных запасов, потом принялся готовить место для ночлега.

Даже жарким летом земля в полярной тайге оттаивает только на полметра, местами на метр, а дальше — вечная мерзлота. В августе спать на земле не только холодно, но и опасно для здоровья. Снова ему пригодились рассказы бывалых людей. Он перенёс в сторону костёр, убрал все угольки, разгрёб пепелище, набросал веток, хвои, моху и лёг, накрывшись телогрейкой. Снизу пригревало, будто от русской печки.

Занятый хлопотами, Васютка не так остро чувствовал одиночество. Страх на время пропал. Но стоило лечь и задуматься, как тревога начала одолевать с новой силой.

Заполярная тайга не страшна зверьём. Медведь здесь редкий житель. Волков нет. Змей — тоже. Бывает, встречаются рыси, и шатаются блудливые песцы. Но осенью для них полно корму в лесу, и едва ли они могли польститься на Васюткины запасы. И всё-таки Васютке было жутко. Он зарядил свою одноствольную переломку картечью, взвёл курок и, положив ружьё рядом с собой, закрыл глаза. Спать!

Не прошло и пяти минут, как Васютка почувствовал, что к нему кто-то крадётся. Он открыл глаза — и замер: да, крадётся! Шаг, второй, шорох, вздох... Кто-то медленно и осторожно идёт по мху. Васютка боязливо поворачивает голову в сторону подозрительных шорохов и неподалеку от костра видит что-то тёмное, большое. Сейчас оно стоит на месте, не шевелится. Мальчик напряжённо вглядывается и начинает различать вздетые к небу не то руки, не то лапы. Ва-

сютка не дышит и с ужасом думает: «Что это?» В глазах от напряжения рябит; нет больше сил сдерживать дыхание... Он вскидывает, направляет ружьё на тёмный предмет:

— Кто такой? А ну, подходи, или как вот садану картечью!

В ответ ни звука. Васютка ещё некоторое время стоит неподвижно, потом медленно опускает ружьё и облизывает пересохшие губы. «В самом деле, что там может быть?» — мучается он, и еще раз кричит:

— Я говорю, не прячься, а то хуже будет!

Тишина. Васютка рукавом утирает со лба пот и, набравшись храбрости, решительно направляется в сторону тёмного предмета.

— Ох, окаянный! — облегчённо выдыхает Васютка, увидев перед собой огромный корень упавшего дерева. — Ну и трус же, чуть ума не лишился из-за такой чепухи.

Чтобы окончательно успокоиться, он отламывает отросток от корневища и несёт его к костру...

Августовская ночь подходила к концу. Густая, как смола, темень, висевшая вокруг костра, начала редеть, прятаться вглубь леса. Стало ещё холоднее; комары, надоедавшие всю ночь, куда-то исчезли. Ни дуновенья, ни шороха. Всё замерло, ожидая первого утреннего звука. Что это будет за звук — неизвестно.

Может быть, робкий свист пичужки или легкий порыв ветра, который прошумит в вершинах бородастых елей. Может быть, застучит по дереву дятел или протрубит дикий олень? Что-то должно родиться из этой тишины, кто-то должен разбудить тайгу, замершую в ожидании.

Темнота всё редет и редет. Ещё не успевает она совсем рассеяться, как на смену ей выползает белый туман. Костер шипит, пощёлкивает, чихает, словно сердится на волглую пелену, окутавшую всё окрест.

Васютка зябко ёжится, придвигается ближе к костру и крепко засыпает, так и не дождавшись первого утреннего звука...

* * *

Солнце было уже высоко; туман росой пал на деревья, на землю. Мелкая водяная пыль искрилась и переливалась, подобно стеклянным крупинкам. «Где это я?» — изумлённо подумал Васютка и, окончательно проснувшись, услышал ожившую тайгу.

По всему лесу озабоченно кричали кедровки. Где-то по-детски заплакала желна. Над головой Васютки, хлопотливо попискивая, синички потрошили старое дерево. Васютка встал, потянулся, зевнул и вспугнул кормившуюся белку. Она, всполошенно цокая, пронеслась вверх по стволу ели, на которой висел Васюткин мешок. Потом села на сучок и, не переставая цокать, чёрными бусинками глаз уставилась на Васютку.

— Ну, чего смотришь? Не узнала? — с улыбкой обратился к ней Васютка.

Белка зацокала сильнее, наострила ушки и пошевелила пушистым хвостом.

— А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём и заблудился. Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт. Не понимаешь ты ничего, толкуй с тобой! А то бы сбегала сказала нашим, где я. Ты вон какая проворная! — Он помолчал и махнул на белку рукой: — Убирайся давай, рыжая, сейчас стрелять буду.

Васютка вскинул ружье и выстрелил в воздух. Белка, будто пушинка, подхваченная ветром, метнулась на другую лесину и, мелькая, пошла считать деревья. Проводив её взглядом, он выстрелил ещё раз и долго ждал ответа. Тайга не откликнулась. По-прежнему надоедливо, вразнобой каркали кедровки,

неподалеку трудился дятел, попискивали синицы, жаловалась желна...

Патронов осталось десять штук. Стрелять Васютка больше не решился. Он снял телогрейку, бросил на неё кепку и, поплевав на руки, полез по сучьям на дерево.

Тайга. Тайга. Без конца и края тянется она во все стороны, молчаливая, равнодушная. В Заполярье нет гор, поэтому с высоты тайга кажется огромным темным морем. Небо не обрывается сразу, как это бывает в горах, а уходит далеко-далеко, всё ближе и ближе прижимаясь к вершинам леса. Облака на небе редкие, но чем дальше смотрит Васютка, тем они гуще. Голубые прорехи исчезают совсем. Облака, словно прессованная вата, ложатся на тайгу, и она растворяется в них.

Долго Васютка отыскивал жёлтую полосу среди неподвижного зелёного моря: по берегам рек обычно тянутся полосы жёлтого в это время года лиственного леса. Но не было видно жёлтых полос. Даже широкогрудый Енисей затерялся среди этого безбрежного таёжного моря. Только кое-где, сглаживая угрюмый цвет тайги, виднелись плешинки кустарника вокруг озёр.

Маленьким-маленьким почувствовал себя Васютка в этой необъятной, застывшей тайге. Сердце Васютки сжалось, и он закричал с тоской и отчаянием:

— Э-э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..

Но голос его затерялся в тайге, упал невесомо, точно кедровая шишка в мох.

Медленно спустился Васютка с дерева, сел, задумался, да так и просидел с полчаса. Потом, будто проснувшись, встряхнулся, оторвал от глухаря кусок мяса и, стараясь не смотреть на маленькую краюшку хлеба, принялся жевать. Потом он собрал кучу

кедровых шишек, размял их и стал насыпать в карманы орехи. Руки делали своё дело, а в голове Васютки решался один вопрос: «Куда идти?»

Вот уже и орехи девать некуда, патроны проверены, ремень приделан к мешку вместо лямки, а вопрос всё ещё не решён.

Наконец, Васютка забросил мешок на плечо, постоял с минуту, тяжело вздохнул, как бы прощаясь с обжитым местом, и пошёл строго на север. Рассудил Васютка просто: в южную сторону тайга тянется на тысячи километров, в ней затеряешься окончательно, а если идти на север, то через сто-двести километров лес кончится, начнётся тундра. Васютка понимал, что выйти в тундру — это ещё не значит найти дорогу домой. Поселения там очень редки, и едва ли скоро наткнёшься на людей. Но ему так хотелось выбраться из этой мрачной тайги, что он рад был попасть хоть в тундру.

Утешало его только одно — хорошая погода. Васютка боялся подумать о том, что будет с ним, если осень по-настоящему возьмётся за свои дела. По всем признакам ждать этого оставалось недолго.

Солнце клонилось к вечеру, когда Васютка заметил среди однообразного мха тощие стебли травы. Он прибавил шаг. Трава стала попадаться чаще и уже не отдельными былинками, а пучками. Сердце Васютки затрепетало от волнения. Трава растёт обычно вблизи больших водоёмов. Неужели впереди Енисей? Васютка пустился бежать. Заметив между хвойных деревьев берёзки, осинки, а дальше мелкий кустарник, он радостно вскрикнул. Не помня себя, ворвался в густые заросли черёмушника, ольховника и смородинника. Лицо и руки жалила высокая крапива, но он не обращал на это внимания и, защищая рукой глаза от гибких ветвей, с треском продирался вперед. Между кустов мелькнул просвет.

Впереди берег, вода! Не веря своим глазам, Васютка остановился. Так он простоял некоторое время и почувствовал, что ноги его вязнут. Болото! Глаза Васютки в страхе расширились. Болото чаще всего бывает у берегов озёр. Губы Васютки задрожали:

— Нет, неправда! Бывают болота и около Енисея, даже на самом берегу сколько угодно кочек встречается. Вперёд! — Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты... И вот он на берегу.

Нет, это был не Енисей. Перед глазами Васютки раскинулось небольшое, унылое озеро, подёрнутое у берегов ряской.

Васютка лёг на живот, отгрёб рукой зелёную кашицу ряски и жадно припал губами к воде. Потом он

сел, усталым движением снял мешок, начал было вытирать кепкой лицо и вдруг, вцепившись в неё зубами, навзрыд расплакался.

* * *

Заночевать Васютка решил на берегу озера. Надо было заранее хорошо подготовиться к ночлегу.

Он выбрал место посуше, натаскал много дров, развёл огонь. С огоньком всегда веселее, а в одиночестве — особенно. Обжарив в костре шишки, Васютка одну за другой выкатил их палочкой, как печеную картошку. От орехов уже болел язык, но он решил: пока хватит терпенья, не трогать хлеб, а питаться орехами, мясом, чем придётся.

На землю опускался вечер. Озеро сделалось необычайно красивым. Васютка залюбовался им. Мрачные мысли, одолевавшие его, на время рассеялись. Сквозь густые прибрежные заросли на воду падали отблески багряного заката, тянулись живыми струями в глубину и терялись там. Кругом, прощаясь с солнцем, заливалось, чирикало и свистело на все лады пернатое племя. У озера было куда веселее, чем в гуще тайги. Но здесь ещё сохранилось много комаров, и они начали крепко донимать Васютку. Отмахиваясь от них, мальчик внимательно следил за ныряющими на озере утками. Они были совсем не пуганы и с хозяйским побрякиванием доверчиво проплывали возле самого берега. Уток плавало множество. Стрелять по одной не было никакого расчёта. Васютка, прихватив ружьё, отправился на мысок, вдававшийся в озеро, и сел в траву. Рядом с осокой, на гладкой поверхности воды то и дело расплывались круги. Это привлекло его внимание. Васютка взглянул на воду — и замер: около травы, плотно одна к другой, пошевеливая жабрами и хвостами, стояла рыба. Её было так много, что Васютку взяло сомнение:

«Водоросли, наверное?» Он потрогал траву палкой. Косяки рыбы подались от берега и снова остановились, лениво работая плавниками.

Столько рыбы Васютка ещё никогда не видел. И не просто какой-нибудь озёрной рыбы: щуки там, сороги или окуни. Нет. По широким спинам и белым бокам он узнал пелядей, чиров, сегов. Это было удивительнее всего. В озере — белая рыба! «Вот здесь бы не пришлось зря сетями воду цедить! — подумал Васютка. — Наших бы рыбаков сюда!»

Внезапная догадка взволновала Васютку. Он сдвинул свои густые брови, сросшиеся на переносье, силясь что-то припомнить. Но в этот момент табун уток связей отвлёк его от размышлений. Он подождал, пока утки поровняются с мысом, выцелил пару и выстрелил. Две нарядные связи опрокинулись кверху брюшками и часто-часто задвигали лапками, точно хотели кого-то оцарапать. Еще одна, оттопырив крыло, боком уплывала от берега. Остальные, всполошенные выстрелом, полетели на другую сторону озера. Минут десять над водой носились табуны перепуганных птиц, отовсюду слышалось тревожное кряканье.

Пару подбитых уток Васютка достал длинной палкой, а третья успела уплыть далеко.

— Ладно, завтра достану, — махнул рукой Васютка.

Небо уже потемнело; в лес спускались сумерки, но заря ещё не совсем погасла. Средине озера напоминала сейчас раскалённую печку. Казалось, положи на эту красную, гладкую поверхность пластики картошки, они мигом испекутся, запахнут горелым и вкусным. Васютка проглотил слюну, ещё раз поглядел на озеро, на кровавую полосу в небе и с тревогой проговорил:

— Ветер завтра будет. А вдруг ещё с дождем? — Он ощипал уток, выпотрошил их, положил в ямку под костёр, лёг кверху лицом и начал щёлкать орехи.

Заря догорала. В потемневшем небе стили редкие, неподвижные облака. Скоро высыпали звезды. Показался маленький, похожий на ноготок, месяц. Стало светлее. Васютка вспомнил слова бабушки: «Вызвездило — к холоду!» Чтобы отогнать нехорошие мысли, Васютка стал думать о доме, о родных, о товарищах и в то же время разглядывал облака. Небо напоминало ему географическую карту со множеством морей, островов и озёр. По причудливым очертаниям облаков Васютка угадывал разные страны. Вот продолговатое облако с приростком сбоку — это Англия и Ирландия. Подальше широкое, с космами по краям, к нему тонким перешейком припаялось другое, по форме похожее на сердце человека, какое видел Васютка в учебнике по естествознанию — это Северная и Южная Америка. А там, вдаль, среди широких морей плавают Австралия, Япония, Индонезийские острова. Есть Гренландия, Африка, и только не нашёл Васютка облака, похожего на Советский Союз. Не было на небе такого большого облака.

Васютка дальше Енисея нигде пока не бывал и видел только один город — Игарку. Свою страну он знал лишь по карте да по рассказам учительницы, Ольги Фёдоровны. Не беда, что он никуда далеко не ездил. Успеет ещё — всё впереди. Зато в мечтах своих он путешествовал уже там, где растут яблоки, груши, виноград, и там, где цветёт хлопок, из которого делают одежду. Видимо, уж так в жизни заведено: южного человека тянет взглянуть на север, а северянина манит на юг.

Как и многим ребятам, Васютке больше всего хотелось побывать в Москве. О ней часто рассказывала

Ольга Фёдоровна. Врать она, конечно, не станет, Васютка верил всему, что говорила учительница. Да и сам он в кино не раз видел метро под землёй и там лестницы такие, которые сами людей возят, даже ног переставлять не надо. Как эти лестницы не рассыпаются на ходу, не проваливаются в тартарары? Чудно! Хотелось Васютке самому взглянуть на метро и, если не очень страшно, прокатиться по самокатной лестнице.

Много в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке, много! Узнает ли? Выберется ли из этой тёмной тайги? Затерялся Васютка в ней, точно песчинка. А что теперь дома? Там, за тайгой, люди словно в другом мире, катаются на лестницах, смотрят кино, едят хлеб, может даже конфеты. Едят, сколько угодно. Ольга Фёдоровна и все учителя сейчас, наверно, готовятся встречать учеников. Над школьными дверями уже вывешен новый плакат, на котором крупно написано: «Добро пожаловать!»

Совсем приуныл Васютка, вспомнив про родных и про школу. Жалко ему стало самого себя, начало донимать раскаяние. Не слушал вот иногда на уроках, и в перемену чуть не на голове ходил, и покуривал тайком. В школу съезжаются ребята со всех сторон: тут и эвенки, и ненцы, и нганасаны. У них свои привычки. Привычки эти укоренялись из поколения в поколение, крепко вросли. Бывало, ученик на уроке достанет трубку и без лишних рассуждений закуривает. Особенно грешат этим ученики первого класса. Они только что из тайги и ничего предосудительного в этом не видят. Станет Ольга Фёдоровна толковать такому ученику насчёт вредности курения — он обижается; трубку отберёт — ревёт. А вот он, Васютка, нет, чтобы пример показать этим ребятам и помочь Ольге Фёдоровне, вредил, сам покуривал и эвенкам да ненцам табачок давал.

— Эх, сейчас бы Ольгу Фёдоровну увидеть, — рассуждал вслух Васютка, — весь бы табак вытряхнул, и учиться стал бы хорошо, и слушал бы всех, и делал бы всё, что только ни заставили.

Васютка и в самом деле вывернул карманы, вытряс махорку. Коробку же со спичками упрятал ещё надёжней, подмышкой, в телогрейку. Спички сейчас дороже всего на свете.

Устал Васютка за день, но не шёл к нему сон: страх и беспокойные мысли одолевали его. Он подбросил в костёр дров, снова лёг на спину. Облака исчезли. Далёкие и таинственные, похожие на крошечные электрические лампочки, перемигивались звезды, словно звали куда-то. Вот одна из них ярким головастиком понеслась вниз, рассекая тёмное небо, и потухла. «Погасла звездочка, значит, жизнь чья-то оборвалась», — вспомнил слова дедушки Афанасия.

Грустно стало Васютке:

«Может быть увидели её и наши?» — подумал он, натягивая на лицо телогрейку и вскоре забылся чутким, беспокойным сном.

. * * *

Проснулся Васютка от холода, и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Опять кругом был клейкий, неподвижный туман. Вздрагивая и ёжась, Васютка встал на корточки, раскопал уток, раздул угольки. Когда костёр разгорелся, он погрел спину, отрезал кусочек хлеба, взял одну утку и принялся торопливо есть. Мысль, которая вчера вечером беспокоила Васютку, снова полезла в голову: «Откуда в озере столько рыбы белой?» Он не раз слышал от рыбаков, что будто бы в некоторых озёрах водится белая рыба, но озёра эти должны быть, или были когда-то, проточными. «А что, если?.. Нет, лучше не думать. Вчера вон думал, будто Енисей...»

Теперь Васютка знал, как тяжело бывает отказаться от того, что считал достигнутым. Но догадка не давала покоя: «В самом деле, откуда попали сюда чирьи, сизги и пелядки? Они водятся только в реках. Неужели озеро проточное?! Это значит, из него берёт начало речушка, впадающая или прямо в Енисей, или в другую речушку, а та — в третью и в конце концов всё равно в Енисей».

Васютка с остервенением жуёт мясо, даже не замечает, что оно без соли. Ему хочется скорее бежать, действовать, но навис такой туман, что никуда нельзя сделать и шагу. Васютка ложится досыпать. Во сне скорее проходит время.

* * *

Он чувствует на своём лице яркие, но не горячие лучи солнца. Веки его вздрагивают и размыкаются. Над водой еще крутится туман. В нём, словно в паутине, деловито покрякивая, копошатся утки. То и дело слышатся громкие шлепки и всплески — это играет и кормится рыба. Васютка ещё раз убеждается — рыбы здесь уйма. Приподняв голову, он обшаривает глазами, припухшими от комариных укусов, озеро, и дух у него захватывает: метрах в ста от него стоит олень и пьёт воду. Вот он поднял голову с причудливыми кустами рогов, насторожил уши — и замер. Слушает. Чуткие ноздри вздрагивают, втягивая воздух; с мягких губ, будто светлые шарики ртути, падают капли воды. «Дикий!» — догадывается Васютка. Олень долго стоит, ловя своим изумительно тонким слухом лесные звуки, готовый в любой момент ринуться в кусты. Потом снова склоняется к воде и, пошевеливая большими ушами, пьёт.

Васютка тихонько поворачивается. Олень вскидывает голову, замечает человека, на миг застывает

в испуге и, точно подброшенный могучими пружинами, делает прыжок.

Секунда — и где-то уже далеко, в глубине леса, слышатся замирающие щелчки копыт, потрескивание сучков.

— Глупый ты, олешек, — с улыбкой говорит ему вслед Васютка. — Удрал! Пил бы спокойно, не обидел бы я тебя, у меня и пуль-то с собой нет...

Васютка пожевал мяса, закусил смородиной и пошёл вдоль озера. Вчерашней убитой утки он на воде не обнаружил, удивился и решил, что её или утащил коршун, или съели водяные крысы.

Васютке показалось, что там, где вдали смыкаются берега, и есть конец озера, но он ошибся. Здесь была лишь протока. Перед мальчиком открылось широкое и мало заросшее на середине озеро. То озеро,

возле которого ночевал Васютка, было всего-навсего заливом — пальцем широкой ладони.

— Вот это да! — ахнул Васютка. — Вот где рыбищи-то, наверно?! Выбраться бы, рассказать нашим. — Он крепко сжал кулаки, насупился: — А что? И выйду! Всё равно выйду!

Тут Васютка заметил небольшой комочек, плывущий у перешейка. Подошёл ближе и увидел убитую утку. — «Неужели моя? — подумал он. — Как же её принесло сюда?» — Он быстро выломил палку и подгрёб утку к себе. Да, это была утка свиязь, с раскрашенной в вишнёвый цвет головой.

— Моя! Моя! — радостно забормотал Васютка, бросая утку в мешок. — Моя уточка! Но почему её отнесло сюда? Ветра не было, значит, есть тягун *, озеро проточное.

Торопливо переступая с кочки на кочку, через вальжины и бурелом, спешил Васютка. В одном месте, почти из-под ног шало взметнулся здоровенный глухарь и сел неподалеку. Васютка показал ему кулак:

— Фигу с маслом хочешь? Провалиться мне на этом месте, если я ещё хоть раз свяжусь с вашим братом.

Поднимался ветер. Глухо зашумела вдали тайга. Шум нарастал и приближался. Качнулись, зашкрипели отжившие свой век сухие деревья. Над озером, будто стаи разноцветных птичек, закружились, поднятые с земли и сорванные с деревьев, листья. Застонали гагары, чувствуя непогоду.

Озеро подёрнулось морщинками; тени на воде заколебались; облака прикрыли солнце; вокруг стало хмуро, неуютно. По озеру пошли волны с белыми гребнями.

* Тягун — медленное, незаметное для глаза течение.

С того момента, как Васютка заметил впереди уходящую вглубь леса жёлтую бороздку, он перестал думать о ветре и непогоде. От напряжения у Васютки пересохло в горле, но он шёл всё быстрее и быстрее. Мальчик даже боялся остановиться попить: вдруг наклонишься к воде, поднимешься и не увидишь впереди спасительной бороздки. Васютка уже ясно видел, что бороздка, уходящая так далеко вглубь тайги жёлтым клином лиственного леса, — не что иное, как речушка, однако всё ещё боялся поверить в это. «Да нет, не речка! Опять какая-нибудь кишка озёрная. Вчера вон тоже обрадовался. Мерещится, и всё», — недоверчиво размышлял он.

Когда он пробежал с километр по едва приметному бережку, заросшему камышом, хвощом, осокой, мелким, уродливым кустарником, и когда заросли сошли на нет, а вместо них появились невысокие, обрывистые берега, Васютка остановился и перевёл дух.

— Вот теперь вижу, что самая настоящая речка, а не какая-нибудь там озёрина вонючая.

Легче стало на душе у Васютки. Правда, он понимал, что подобные речушки могут впадать в другие озёра, не в Енисей, но он отгонял от себя эти мысли. Речка, которую он так долго искал, должна привести его к Енисею, иначе... Иначе он обессилеет и пропадёт. На одном мясе недолго протянешь, да и патронов осталось совсем мало. А тут ещё с чего-то тошнит.

Чтобы заглушить тошноту, Васютка на ходу срыгает гроздь красной смородины и суёт их в рот вместе со стебельками. Рот сводит от кислоты, смородина щиплет язык, расцарапанный ореховой скорлупой.

Поднялся ветер, а вместе с ним пришёл дождь. Васютка быстро промок. Двигаться стало ещё тяжелее. Гнетущее чувство, которое обычно навевается дурной погодой, овладело мальчиком. Он заметил

разлапистую пихту, которая привольно разрослась среди мелкого осинника, и залёг под неё. Не было ни желания, ни сил пошевелиться, развести огонь. Хотелось есть и спать. Он отковырнул маленький кусочек от чёрствой краюшки и, чтобы продлить удовольствие, не проглотил его сразу, а начал сосать. Есть захотелось ещё сильнее. Васютка выхватил краюшку из мешка, вцепился в неё зубами и, плохо прожёвывая, съел всю.

Дождь не унимался. От сильных порывов ветра качалась пихта, стряхивая за воротник Васютке холодные капли воды. Они ползли по его спине, словно скользкие черви.

Васютка скрючился, втянул голову в плечи. Веки его сами собой начали смыкаться, будто повесили на них тяжёлые грузила, какие привязывают к рыболовным снастям...

Когда он очнулся, на лес уже спускались сумерки, — темнота, смешанная с дождем. Было тоскливо, серо, сделалось ещё холоднее.

— Ну и зарядил, окаянный! — обругал Васютка дождь. Он взвёл курок ружья, засунул руки в рукава, прижался плотнее к стволу пихты и снова забылся тяжёлым сном.

Дождь сеял. На рассвете Васютка, промокший, стуча зубами, вылез из-под пихты, подышал на озябшие руки и принялся искать сухие дрова. Осинник за ночь разделся почти донага... Будто тоненькие пластики свёклы, на земле лежали мокрые тёмнокрасные листья. Вода в речке заметно прибыла. Лесная жизнь примолкла. Даже кедровки и те не подавали голоса. Осень размашистым шагом пошла по Заполярью.

Расправив полы ватника, Васютка защитил от ветра кучку сучьев и лоскуток берёсты, и полез за

пазуху. Спичек осталось четыре штуки. Не дыша, он чиркнул спичку о коробок, дал огоньку разгореться между ладонями и поднёс к берёсте. Она начала корчиться, свернулась в трубочку и занялась. Потянулся хвостик чёрного дыма. Сучки, шипя и потрескивая, разгорались. Васютка снял прохудившиеся сапоги, размотал грязные портянки. Ноги издрябли и сморщились от сырости. Он погрел ноги, высушил сапоги, портянки, оторвал тесёмки от кальсон и подвязал ими подошву у правого сапога, державшуюся на нескольких шпильках.

Греясь возле костра, Васютка вдруг уловил тонкий звук, похожий на комариный писк, и замер. Через секунду звук повторился, вначале протяжно, потом несколько раз коротко.

— Гудок! Пароход гудит! — вскрикнул Васютка. — Стоп! Почему же он слышится оттуда, откуда я иду? А-а, понятно.

Васютка знал эти фокусы тайги: гудок всегда откликается на ближнем водоеме, поэтому Васютка слышал звук с озера, так как оно было ближе к нему. Но гудит-то пароход на Енисее. В этом Васютка уверен. Скорей, скорей бежать туда! Впервые за несколько дней, показавшихся Васютке месяцами, он слышал посторонний, не таёжный звук и так обрадовался ему, так заторопился, будто у него был билет на этот самый пароход и он боялся опоздать.

Северные реки тихие и глубокие. Весной они, правда, выходят из берегов, подмывают и роняют кусты. Но продолжается это недолго, потому что весна в Заполярье проходит быстро. Летом многие реки перехватывает перешейками, и они превращаются в небольшие озёрки-пирожки, зарастают лопухами, ряской, троелистником, украшаются кувшинками. Реки побольше и побойчее текут круглый год.

Васютка попал на такую речку. Ни одного перехвата он ещё не видел на своём пути. Рядом с речкой идти было трудно: приходилось то и дело продираться сквозь густые прибрежные заросли или взбираться на крутой, обрывистый берег.

— Если речка вся ходовая, — рассуждал Васютка, — можно будет подняться на лодках и добраться до озёрной рыбы. Что ты тогда, дедушка, заговоришь насчёт плана?

В полдень Васютка поднял с речки табун гусей, ударил по ним картечью и выбил двух. Он спешил и поэтому зажарил их над костром на вертеле, а не в ямке, как это делал раньше. Остались две спички, кончались и Васюткины силы. Он часто останавливался, ложился на землю, и глаза его сразу смыкались — хотелось лежать, не двигаясь. Огромным усилием он заставлял себя подниматься и снова продираться сквозь кусты. Он бы мог отойти метров на двести-триста от речки. Там, по редколесью, было бы

куда лучше и легче идти, но он боялся потерять речку из вида.

Ещё много раз он поднимал табуны гусей, уток, видел даже белых лебедей, но никого не трогал. Зачем губить зря птицу? Мешок и без того казался ему таким тяжёлым, хоть бросай. Однажды он увидел впереди себя на полянке песка. Песец поймал мышку. Был он, видимо, сыт и забавлялся ею, как кошка.

Васютка шёл и шёл, почти падая от усталости. Неожиданно лес расступился — и он оказался на берегу реки. Сразу Васютка не увидел Енисея, а только почувствовал перед собой что-то большое, светлое, от чего веяло холодком и силой.

Васютка застыл в изумлении и немом восторге.

— Енисей! — прошептал мальчик. — Енисей! — Васютка рассмеялся, упал на край берега, жадными глотками стал прихлёбывать воду, шлёпать по ней рукой, окунать в реку лицо. Он ловил языком стекающие с губ струйки, смешанные со слезами: — Енисей! Енисеюшко, славный, хороший...

Потом Васютка вскочил и запрыгал, как дикарь, подбрасывая вверх горстями песок и напевая:

«...Енисей! Енисей!
Друг полярных морей...»

Встревоженные его воплями, с берега поднялись стаи белых чаек и с недовольными криками закружились над рекой.

Теперь надо было решать, куда идти: вниз или вверх по Енисею. Место было незнакомое. Васютка так ничего и не придумал. Обидно, конечно, может быть дом близко, в нём мать, дедушка, отец; еды сколько хочешь. А тут сиди и жди, пока кто-нибудь поплывёт, а плавают в низовьях Енисея не часто.

Васютка смотрит то вверх, то вниз по реке, и кажется ему противоположный берег островом оттого, что ни сверху, ни внизу тот берег не соединяется с этим... Тянутся, тянутся берега навстречу, хотят сомкнуться и теряются в просторе, словно повисают в воздухе. Вон там, в низовьях реки, где другой берег, изнемогая от усилий, не сумел замкнуть реку, появляется дымок. Дымок маленький, будто от папироски. Постепенно дымок увеличивается, над ним обозначается тёмная точка. Идёт пароход. Долго ещё ждать его. Чтобы как-нибудь скоротать время, Васютка решает умыться. В воде он увидел свое отражение. Скулы заострились, губы потрескались. От дыма и грязи сросшиеся на переносье брови стали ещё темнее. Одежда порвалась, сапоги без подошв.

— Ну и дошёл же ты, друг! — покачал головой Васютка. — «А что, если бы дольше пришлось бродить?» — холодея, подумал он.

Пароход всё ближе и ближе. Васютка уже видит, что это не обыкновенный пароход, а двухпалубный пассажирский теплоход. Он силится разобрать надпись

и, когда, наконец, это ему удаётся, с наслаждением читает вслух:

— Серго Орджоникидзе... Серго Орджоникидзе...

На теплоходе маячат тёмные фигурки пассажиров. Васютка заметался по берегу.

— Э-эй, пристаньте! Возьмите меня! Э-э-эй!.. Слушайте-е!..

Кто-то из пассажиров заметил его и помахал рукой.

«Наверно, парнишка какой-нибудь, — мелькнуло в голове у Васютки, и он стиснул зубы. — У-ух, попался бы...»

Растерянным взглядом проводил Васютка теплоход. На глаза навернулись слёзы.

— Эх вы-ы, еще капитанами теплохода называетесь «Серго Орджоникидзе», а человеку помочь не хотите.

Расстроенный Васютка начал собирать дрова на ночь. Он понимает, что теплоход идёт из Красноярска, и за полторы с лишним тысячи километров «капитаны» видели множество людей на берегу, около каждого не наостанавливаешься, и всё-таки обидно.

* * *

Эту ночь Васютка коротал особенно беспокойно. Ему всё время казалось, что кто-то плывёт по Енисею. То он слышал шлёпание вёсел, то стук моторки, то парходные гудки.

Под утро он в самом деле уловил равномерно повторяющиеся звуки: бут-бут-бут-бут... Такие звуки могла издавать только выхлопная труба рыбосборочного катера, который называют ботом, видимо, за этот характерный звук.

— Неужели дождался?! — прошептал, замирая от радости, Васютка и закричал: — Стучит! Бот стучит, стучит, стучит!..

Он хотел уже бежать по берегу навстречу боту, но догадался, что у костра его скорее заметят, и стал складывать в костёр все припасённые дрова. Взметнулись искры, высоко поднялось пламя. Наконец, из предрассветной мглы выплыл высокий, неуклюжий силуэт бота. Васютка отчаянно закричал:

— На боте! Э-эй, на боте! Остановитесь! Заблудился я. Э-э-эй! Дяденьки! Кто там живой? Э-э-эй, штурвальный, слышишь?

Он вспомнил про ружьё, схватил его и начал палить вверх: бах! бах! бах! бах!

— Кто стреляет? — раздался гулкий, придавленный голос, будто человек говорил, не разжимая губ. Это в рупор спрашивали с бота.

— Да я это, я, Васютка! Заблудился я! Пристаньте, пожалуйста! Не знаю, куда идти! Пристаньте скорее!

На боте слышались голоса, и мотор, будто ему сунули в горло клок пакли, заработал глуше. Раздался звонок, вылетел из выхлопной трубы клуб огня. Мотор затарахтел с прежней силой, — бот подрабатывал к берегу. Но Васютка не понял и выпалил последние патроны.

— Дяденьки, не уезжайте! — кричал он. — Возьмите меня! Возьмите же!

От бота отошла шлюпка. Васютка кинулся в воду, побрёл навстречу, глотая слёзы и приговаривая:

— За-аблудился я, совсем заблудился. — Потом, когда дюжие руки втащили его в шлюпку, заторопился: — Скорее, дяденьки, плывите скорее, а то уйдет ещё бот-то. Вон вчера пароход только мелькнул...

— Ты, малый, щё, сказывся? — спросил его густой бас с кормы шлюпки, и Васютка узнал по голосу и по смешному украинскому выговору старшину бота «Игарец».

— Дяденька Коляда! Это вы? А это я, Васька! — перестав плакать, заговорил Васютка.

— Який Васька?

— Да шадринский. Григория Шадрина, рыбного бригадира, знаете?

— Тю-ю! А як ты сюда попав?

А когда в тёплом кубрике, уплетая за обе щеки хлеб с копчёной осетриной, Васютка рассказывал о своих похождениях, Коляда слушал его, хлопал себя по коленям и восклицал:

— Ай, скаженный хлопец! Та на щё тоби той глухарь сдася? Вот напугал ридну маты и батьку...

— Ещё и дедушку...

Коляда затрясся от смеха:

— Ой, щоб тоби! Он и дида вспомнив! Ха-ха-ха, ну и лыцарь, ну и бисова душа! Та знаешь ли ты, дэ тебе вынэсло?

— Не-е-ет.

— У речки Лысухи. Це шестьдесят километрив ниже вашего стану.

— Ну-у?!

— О це тоби и ну. Лягай давай спаты, горе ты мое горькое.

Васютка сладко уснул на койке старшины, закутанный во все одеяла, какие нашлись в кубрике. А Коляда глядел на него, разводил руками и бормотал:

— Во, ерой глухариный, спит соби, а батько з маткой места соби не найдуть!

Не переставая бормотать, он поднялся к штурвальному и приказал:

— На песчаном острови и у Карасихи не будем робить остановки. Газуй прямо к Шадрину.

— Понятно, товарищ старшина. Домчим хлопца мигом!

Подплывая к стоянке бригады Шадрина, штурвальный покрутил ручку сирены. Над рекой пронёсся пронзительный вой. Но Васютка не слышал сигнала.

На берег спустился дедушка Афанасий и принял чалку с бота.

— Что это ты сегодня в единственном числе бот встречаешь? — спросил вахтенный матрос, сбрасывая трап.

— Не говори, паря, — уныло отозвался дед. — Беда у нас, ой, беда. Васютка, внук-то мой, потерялся, вот все и ушли в лес. Пятый день ищут. Не чаяли, не гадали такой беды. Ох-хо-хо! Парнишка-то был какой, парнишка-то, шустрый, востроглазый!..

— Почему был? Рано ты собрался его хоронить! Ещё с правнуками понянчишься! — И довольный тем, что озадачил старика, матрос с улыбкой добавил: — Нашелся ваш пацан. В кубрике спит себе и в ус не дует.

— Чего это? — встрепнулся дед и выронил кисет, из которого зачерпывал трубкой табак: — Ты... Ты, паря, над стариком не смейся. Откудова Васютка мог на боте взяться? Гляди, паря, не до шуток мне ноне.

— Правду говорю, на берегу мы его подобрали. Он там такую полундру устроил, что, наверно, все черти в болото спрятались...

— Да не треплись ты, где Васютка-то? Давай его скорей. Цел ли он?

— Цел, цел, старшина пошёл его будить.

Дед Афанасий бросился было к трапу, но тут же круто повернул и засеменял наверх, к избушке.

— Анна! Анна! Нашёлся скворчонок-то! Анна! Где ты там? Скорее беги! Отыскался он...

В цветастом переднике, со сбившимся набок платком, показалась бледная Анна Ильинична. Она увидела спускавшегося по трапу оборванного Васютку. Он виновато и радостно улыбался. Ноги Анны

Ильиничны подкосились. Она с лёгким стоном осела на камни, протягивая руки навстречу сыну.

И вот Васютка дома! В избушке натоплено так, что дышать нечем. Накрыли его двумя одеялами, оленьей дохой и, кроме того, обвязали грудь пуховой шалью. Лежит Васютка на топчане, разомлевший, избалованный вниманием, а мать и дедушка хлопочут вокруг, простуду из него выгоняют. Мать натёрла его спиртом. Дедушка напарил каких-то горьких, как полынь, корней и заставил пить это зелье.

— Может, ещё что-нибудь покушаешь, Васенька? — участливо и нежно, как у больного, спрашивала мать.

— Да я, мама, и так сыт, некуда.

— А если вареньица черничного? Ты ведь его любишь!

— Если черничного, ложки две, пожалуй, войдёт.

— Ешь, ешь!

— Эх ты, Васюха, Васюха! — приговаривает дедушка, глядя его по спине. — Как же ты сплеховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро. Ну да ладно, дело прошлое. Мúка — вперёд наука. Да! Глухаря-то, говоришь, завалил всё-таки? Дело! Купим вот тебе новое ружьё на будущий год, хватит со старым таскаться. Ты ещё медведя ухряпаешь! Помяни моё слово.

— Ни боже мой! — возмутилась Анна Ильинична. — Близко к избе вас с ружьём не подпущу. Гармошку, патефон покупайте, а ружья чтобы и духу не было. Я и старое вот выброшу!

— Пошли бабьи разговоры, — махнул рукой дедушка. — Ну, поплутал маленько парень! С кем это не бывает? Так что теперь, по-твоему, и в лес парню не ходить? — Дед заговорщически подмигнул Васютке: «Дескать, не обращай внимания, будет новое ружьё, и весь сказ!» А вслух добавил: — Ежели, конечно, учиться как следует станешь — ружьё получишь.

Анна Ильинична ещё хотела что-то возразить, но на улице залаял Дружок и она быстро выбежала из избышки.

Со стороны леса, устало опустив плечи, в мокром дождевике, шел Григорий Афанасьевич. Глаза его

ввалились, лицо, заросшее густой чёрной щетиной, было мрачно.

— Всё бесполезно, — отрешённо махнул он рукой. — Нету, пропал парень...

— Нашёлся сынок наш... дома он...

Григорий Афанасьевич шагнул к жене, минуту стоял растерянный, потом сказал, как всегда, спокойно:

— Ну, а зачем реветь-то? Нашёлся, и хорошо. К чему мокрень разводите? Здоров он? — И не дожидаясь ответа, направился к избушке.

Анна Ильинична остановила его:

— Ты уж, Гриша, не особенно строго с ним. Он и так лиха натерпелся. Порассказывал, так мурашки по коже бегают.

— Ладно, не учи.

Григорий Афанасьевич зашёл в избушку, поставил в угол ружьё, снял дождевик. Васютка выжидательно и робко следил за ним. Дед Афанасий, дымя трубкой, покашливал.

— Ну, где ты тут, бродяга? — спросил, обращаясь к Васютке, отец, и губы его тронула чуть заметная улыбка.

— Вот он я! — Васютка привскочил с топчана, заливаясь счастливым смехом. — Укутала меня мамка, как девчонку, а я вовсе и не простыл. Вот пощупай, пап, — он протянул руку отца к своему лбу.

Григорий Афанасьевич прижал лицо сына к себе и легонько похлопал по спине:

— Затараторил, болтушка, довольнѣхонек!.. У-у-у, лешачонок! Наделал ты нам хлопот, испортил крови. Рассказывай, где тебя носило?

— Он всё про озеро какое-то толкует, — заговорил дед Афанасий. — Рыбы, говорит, в нём видимо-невидимо.

— Рыбных озѣр мы и без него знаем много, да не вдруг на них попадѣшь.

— А к этому, папка, можно проплыть, потому что Лысуха из него вытекает.

— Лысуха, говоришь? — оживился Григорий Афанасьевич. — Интересно! Ну-ка, ну-ка, рассказывай, что ты там за озеро отыскал?

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу Лысухи вверх, а бригада рыбаков на лодках, с сетями, на шестах поднималась следом за ним.

Погода стояла самая осенняя. Мчались куда-то мохнатые тучи, чуть не задевая за вершины деревьев; шумел и качался лес. В небе раздавались встревоженные крики птиц, тронувшихся на юг. Но Васютке теперь любая непогода была не страшна. В резиновых сапогах и брезентовой куртке он шагал рядом с отцом, принаравливаясь к его саженному шагу, и наговаривал:

— Они, гуси-то, ка-ак взлетят все сразу, я ка-ак дам! Два на месте упали, а один ещё ковылял, ковылял и свалился в лесу, да я не пошёл за ним: побоялся я от Лысухи отходить.

На Васюткины сапоги налипли комья глины. Он устал, вспотел и нет-нет да и переходил на рысь, чтобы не отстать от отца. Болтал он без умолку, повествуя о своих приключениях:

— И ведь я их в лёт саданул, гусей-то!

Отец не отзывался. Васютка посеменил молча и опять начал:

— А что? В лёт ещё лучше, оказывается, стрелять, сразу вон несколько ухлопал!

— Не хвались, — заметил отец и покачал головой. — В кого ты такой хвастунишка растёшь? Беда!

— Да я и не хваюсь, раз правда, так чего мне хвалиться? — сконфуженно пробормотал Васютка и перевёл разговор на другое: — А скоро, пап, будет та пихта, под которой я ночевал. Ох и околел я тогда!

— Зато сейчас, я вижу, весь сопрел. Ступай к дедушке в лодку и похвастайся насчет гусей. Он любитель басни слушать. Ступай, ступай!

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой заполярной тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал:

— Вот и озеро Васюткино...

С тех пор и пошло: Васюткино озеро, Васюткино озеро. Рыбы в нём оказалось, действительно, очень много. Бригада Григория Шадрина, а вскоре ещё одна колхозная бригада переключились на озёрный лов.

Богатые уловы с этого озера помогли колхозу выполнить план осенней путины. На отчетном собрании никому не надавали по шапке, как предсказывал дед Афанасий.

Зимой у Васюткиного озера была построена избушка. По снегу колхозники забросили туда рыбную тару, соль, сети и открыли постоянный промысел.

На районной карте появилось ещё одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под названием «Ва-

сюткино оз.» На краевой карте это пятнышко, всего с булавочную головку, уже без названия. На карте же нашей страны озеро это сумеет отыскать разве сам Васютка. Может, видели вы на физической карте в низовьях Енисея пятнышки, будто небрежный ученик брызнул с пера голубыми чернилами? Вот где-то среди этих кляксочек и есть та, которую именуют Васюткиным озером.

Виктор Петрович Астафьев
ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

Редактор *О. К. Селянкин*
Художеств. редактор *М. В. Тарасова*
Художник *Е. И. Нестеров*
Техн. редактор *К. И. Лапрун*
Корректор *А. И. Плешков*

Подписано к печати 26|IV 1956 г.
Бумага 60×84¹/₁₆— 1,5 бум. л. 3 печ. л.
Уч.-изд. 2,10 л.
ЛБ05305 Тираж 30 000 экз.
Цена 75 коп.

2-я книжная типография
Облполиграфиздата
г. Молотов, ул. Коммунистическая, 57.
Зак. 146.

ЦЕНА 75 КОП.

МОЛОТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
г. Молотов - 1956 г.